

Ну вот и пришло время, когда парижский театральный сезон подошел к концу. Однако театральная жизнь французской столицы не замирает в летние месяцы, а наоборот, расцветает с новой силой. Именно в этот период временно освобождающиеся сцены парижских театров начинают «штурмовать» молодые театральные труппы из провинции в надежде добиться признания со стороны публики, пользующейся справедливо или нет — репутацией самой компетентной и самой требовательной публики в мире.

Одну из этих трупп — «Драматический центр восточной Франции» — в этом году ожидали в Париже с тем большим любопытством, что она объявила о своем намерении показать пьесу, совершенно неизвестную, но принадлежащую перу знаменитого автора: «Тысяча франков вознаграждения».

Как, пьеса в самом деле так называется? Театральные критики что-то не припомнят такого произведения автора: «Эрнани» и «Рюи Блаза». Потом подумали, что это, наверное, какая-нибудь «юношеская пьеса» Виктора Гюго, которую изловчил-ся «открыть» директор провинциального театра, стремившийся любой ценой «дать что-то новое».

После первых же представлений спектакль вызвал единодушный восторг рецензентов: «Лучшая пьеса сезона...», «Самый любопытный и самый забавный спектакль...», «Наконец-то новая, правдивая и прекрасно сыгранная пьеса...». Изысканная театральная публика Парижа, в высшей степени заинтригованная, хлынула в театр «Амбигю», где давался спектакль.

«Амбигю» — один из старейших народных театров столицы, основанный в 1769 году каким-то актером кукольного театра. Именно в этом театре ставились знаменитые пантомимы, завоевавшие ему славу во время Французской революции; потом в течение целого столетия с лишним здесь неизменно успешно пользовалась мелодрама, осященная девизом Мюссе: «Да здравствует мелодрама, заставившая плакать Марго».*

Как приятно вновь увидеть

* «Марго» здесь — простая француженка, француженка из народа (Ред.).

С разных широт

Новая пьеса... Виктора Гюго

мелодраму, точно такую, как встарь, и, Жермен слушая, как смеется современная публика, думать о том, что вот так же смеялись здесь зрители прошлых времен! И какая радость вновь повстречаться с «папашей Гюго», с таким Гюго, какого мы так любим, — мечущим стрелы своего гнева против лицемерия буржуазной морали, воспевающим революцию, бичующим монархическое государство, его суд и его судей, клеймящим предателей и в конце концов подводящим нас к моменту, когда порок наказывается, а любовь и добродетель торжествуют победу, все обнимаются и целуются.

В «Тысяче франков вознаграждения» наш дорогой Гюго остается верен и традициям мелодрамы, и самому себе. Зритель сразу возвращается мыслью к «Отверженным», ибо здесь тоже присутствует Жан Вальжан — на сей раз его зовут Лапльё: великодушный бродяга, оборванец с парижских улиц, преследуемый полицией за какой-то проступок, совершенный в молодости. «Если общество решило объявить кого-то вором, опровержения бесполезны...» Но его спасает добрая и чистая Сиприена, похожая на Козетту, как ее родная сестра, — а он в свою очередь вырывает ее из лап шантаниста после тысячи всяких перипетий, дающих повод то для радостных, то для трагических реплик, полных иронии, чувства нежности к людям, лукавства и фрондерства Гавроша, перемешанных со словами от автора, часто сердитыми и гневными, фразами, в которых за хитрой усмешкой угадывается горечь, накопившаяся в сердце гернсийского изгнанника: «Лучше дно реки, чем руки полиции». «Мужайся! Истина в конце концов всегда остается неизвестной».

Эту забытую пьесу Гюго (она действительно ни разу не ста-

вилась ни в одном театре) смотришь с особенно большим интересом и удовольствием, когда вспоминаешь о том, в какое время она была написана. В 1866 году исполнилось 15 лет, как Виктор Гюго удалился в изгнание, и 11 лет, как он поселился на острове Гернси. Он только что закончил «Тружеников моря», но уже двенадцать лет, как ничего не пишет для театра. Пятого марта он набрасывает первые строки своей мелодрамы — единственной из всех его драматургических произведений, где действие происходит в XIX веке. 15 апреля 1866 года пьеса готова. На полях последней страницы рукописи Гюго записывает: «На мой балкон залетела малиновка. Весенний ветерок чуть ерошит ее перышки. Она смотрит на меня. Она поет».

Вскоре после этого директор одного парижского театра, узнавший об этой пьесе от знакомых Гюго, пишет ему письмо, в котором предлагает поставить пьесу. Но Гюго отвечает решительным отка-

зом: «...Очень тронут вашим вниманием, делающим мне честь... В свою очередь спешу вам ответить. Для того, чтобы драма, написанная мною этой зимой, могла быть поставлена в театре, необходимы условия свободы, а во Франции свободы нет ни для кого и для меня больше, чем для кого-либо. Поэтому я вынужден отложить это. Вообще же эта драма написана для представления ее в театре и вполне сценична. Но, вполне отвечая требованиям драматического искусства, она меньше отвечает требованиям цензуры. Я подожду — моя драма появится на сцене в тот день, когда вновь придет свобода...»

Мы не знаем, чем объяснить, что Виктор Гюго так и оставил эту пьесу в своем письменном столе, и почему никто не сыграл ее, когда в 1934 году она была напечатана в шестом томе полного собрания драматургических произведений Виктора Гюго. Поэтому воздадим хвалу Юберу Жинью, директору «Драматического центра восточной Франции», за то, что он первый вспомнил о «Тысяче франков вознаграждения» Гюго и поставил ее на сцене через 95 лет после того, как эта пьеса была написана.